

Цзин Му терпеть не мог холод, и даже в самой толстой одежде он не мог устоять перед ледяным ветром, дующим с озера. Вскоре его руки покраснели от мороза. Цай Ино, сидя рядом, время от времени останавливался, чтобы потереть ладони, и после нескольких таких попыток в ярости швырнул кисть.

— Классный руководитель мог бы хотя бы посмотреть прогноз погоды, прежде чем тащить нас на пленэр! Я замерзаю, руки трясутся, как у больного Паркинсоном. Это не картина, а моя электрокардиограмма!

Цао Яно, взглянув на его работу, не смогла сдержать смеха:

— Ну, сердцебиение у тебя довольно ритмичное.

Цай Ино недоумевающе спросил:

— Классная, а ты почему не дрожишь? У девушек что, иммунитет к холоду?

Цао Яно, улыбаясь, подняла бровь:

— Вам, парням, только бы в игры играть. Надо учиться житейской мудрости.

— Житейской мудрости? Сестра Яно, не томи, расскажи.

Другая девушка, смеясь, добавила:

— Босс Цай, ты что, не слышал о согревающих наклейках? Маленькое солнышко зимой, незаменимая вещь для дома и путешествий.

— Согревающие наклейки? — Цай Ино явно впервые слышал о таком.

Девушка засмеялась:

— Босс Цай, ты, наверное, выдумал свою девушку, раз не знаешь о согревающих наклейках. И про коричневый сахарный напиток тоже не слышал, да?

— Кто сказал, что я выдумал? Моя... моя девушка просто не использует согревающие наклейки, — он отвел взгляд. — Покажи, как они выглядят?

Девушка достала из кармана наклейку и показала Цай Ино:

— Вот такая. Обычно продаются в маленьких магазинчиках.

— Действительно, тепло. С такими штуками надо было раньше поделиться. Я помню, по дороге сюда был такой магазинчик, — он огляделся, заметив, что классный руководитель с физкультурниками ушли к другой стороне озера. — Я схожу купить. Сестра Яно, если классный руководитель вернется раньше меня, прикрой меня, ладно?

С этими словами он бросился бежать.

— У меня еще есть запасные, — Цао Яно не успела его остановить, он уже исчез. Ну что ж, ветреный парень, он все равно не услышит.

Цао Яно раздала оставшиеся наклейки, и Цзин Му тоже получил одну.

— Спасибо, — поблагодарил он, впервые попробовав эту штуку. Она действительно работала, но, положив её в карман, он больше не хотел вынимать руки, словно погрузился в блаженство.

Вскоре Цай Ино вернулся сломя голову.

— Сян, держи.

Чжоу Сян машинально принял наклейку, но тут же возразил:

— Не называй меня Сян.

— Ладно, ладно, брат Чжоу, — продолжил Цай Ино, но остальным наклейки уже не требовались. — Сестра Яно, как ты могла!

Цао Яно ответила с усмешкой:

— Ты сам носился, как угорелый, а теперь на меня винишь?

Цай Ино, обиженно, вернулся на свое место. Чжоу Сян уже получил наклейку от Цао Яно, но из вежливости открыл ту, что дал Цай Ино, и положил в другой карман.

Старина Ли каждый год приводил учеников на тренировку и хорошо знал местные закусочные. Они арендовали одну из них, чтобы вечером устроить барбекю.

Лу Юши и его товарищи пробежали за день не меньше десяти километров, и словами «изголодавшиеся» их состояние описать было сложно. Они выглядели так, будто вышли из царства голодных духов. Цай Ино и другие художники, никогда не видевшие таких масштабов

поглощения пищи, замерли с палочками в руках. За пять секунд все мясо было съедено трижды.

— Будто три года голода пережили, — произнес Цай Ино в изумлении.

Цао Яно крикнула:

— Эй, ешьте быстрее, чего вы застыли? Эй, вы, мускулистые, не думайте, что ваша сила дает вам право отбирать наше мясо! Хотите есть — жарьте сами!

Хао Чэньцзя ела, совершенно не соблюдая девичьих манер:

— Мы сами добыли мясо, зачем нам его жарить? — и, говоря это, протянула палочки к Цао Яно. — Классная, это мое.

— Хао Цзяцзя! — Цао Яно, лишившись куска мяса, забыла о своём статусе старосты, и все смешались в общей суматохе.

В их классе художники и спортсмены обычно не общались, но сейчас еда сблизила их.

Цзин Му не любил толкаться в общей массе и, уединившись в углу, жевал маленькие булочки. Лу Юши помнил, как его брат страдал после горячего горшка, и, опасаясь, что барбекю вызовет проблемы с желудком, попросил хозяйку закуской приготовить лапшу с овощами и яйцом.

Когда он принёс лапшу, то увидел, что кто-то уже принёс еду его брату — их староста Цао Яно. Непонятно, как ей удалось вырвать такую порцию мяса из когтей голодных зверей.

Не раздумывая, он подошёл и с улыбкой сказал:

— Классная, у моего брата проблемы с желудком, от жареного мяса ему плохо. Может, это мясо достанется мне?

Цао Яно удивилась и спросила Цзин Му:

— Одноклассник, ты не можешь есть это? Почему ты не сказал раньше? Мы бы не стали готовить барбекю.

— Это не так серьёзно, как говорит Лу Юши. Барбекю — это весело, — ответил Цзин Му.

Цао Яно, увидев лапшу, которую принёс Лу Юши, не стала настаивать:

— Ладно, завтра и послезавтра будем есть обычные блюда, так что всё будет в порядке. Лу, это мясо твоё.

— Спасибо, классная!

Лу Юши, сидя рядом с братом, внезапно почувствовал холод и понял, что оделся слишком легко. Вечером температура упала. Цзин Му, поев горячей лапши, слегка вспотел и, достав из кармана тёплую наклейку, передал её брату:

— Когда поешь, иди сразу в душ. Ты весь в поту, можешь простудиться.

— Хорошо, пойду, как только закончу, — он положил тарелку на каменный выступ и, засунув руку в карман, удивился. — Что это? Оно греется? Как это работает?

Цзин Му объяснил:

— Говорят, это называется согревающая наклейка.

— Говорят?

— Да, моя одноклассница дала. На пленэре было холодно, она раздала их всем, и они действительно помогают.

Цзин Му заметил, что брат задумался, глядя на маленькую наклейку.

— Что, она остыла?

— Нет, — Лу Юши покачал головой. — Она тёплая.

Просто слово «моя одноклассница» вызвало у него неприятное чувство. Он долго думал, прежде чем понял, что, возможно, ревнует. Ему казалось, что это обращение слишком личное. Но почему «слишком»? Ведь его брат и староста действительно сидели за одной партой, и это обращение было вполне уместным.

— Брат, ешь не спеша, я пойду в комнату принять душ.

Эта эмоция вызывала у него дискомфорт, и он инстинктивно хотел избавиться от неё.

В последний день они сменили место для пленэра, отправившись в искусственный парк у озера Пинху. Там была большая ровная лужайка, идеальная для установки мольбертов. Летом это место, должно быть, выглядело красиво, но зимой, с облетевшими листьями, оно казалось

унылым. На этот раз они решили не рисовать озеро и горы, а повернулись на сто восемьдесят градусов и взялись за городской пейзаж.

Лужайка была просторной, и все рассеялись, заняв удобные места.

Городской пейзаж не был сильной стороной Цзин Му, особенно зимой, когда небо над городом Синчэн становилось серым и яркость всего города снижалась. Такие пейзажи на холсте всегда казались ему несовершенными, поэтому он работал с особым вниманием.

Когда кто-то нечаянно опрокинул его ведро с водой и грязная жидкость облила его, он не сразу понял, что произошло.

— Ой, извини, умник. Ты такой худой, что я тебя не заметил. Прости.

Это явно не было искренним извинением.

Цзин Му, нахмурившись, встал и снял промокшую куртку. К счастью, штаны почти не пострадали. Он обернулся и увидел Линь Тао, который, засунув руки в карманы, смотрел на него с вызывающим видом, явно нарываясь на конфликт.

Цзин Му не любил таких людей, чьи мозги, казалось, состояли из мышц, и не хотел вступать в перепалку. Но тут подбежала Цао Яно:

— Линь Тао, что ты делаешь? Здесь столько места, зачем ты полез именно сюда? Ты явно сделал это нарочно.

<http://bllate.org/book/15440/1369437>